

А. А. Тедеев

**ФИЛОСОФИЯ ГОСУДАРСТВА:
право народа России на Государственность
и собственное правоустройство народовластия
в условиях цифрового миропорядка
(опыт научной футурологии)**

**МАНИФЕСТ
о государстве в цифровом мире**

А. А. Тедеев

**ФИЛОСОФИЯ ГОСУДАРСТВА:
право народа России на Государственность
и собственное правоустройство народовластия
в условиях цифрового миропорядка
(опыт научной футурологии)**

**Манифест
о государстве в цифровом мире**

**Москва
2025**

УДК 321.01
ББК 66.0+67.400
T29

Автор:

Тедеев Астамур Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра сравнительного государственного управления Института Китая и современной Азии РАН, профессор Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, автор межфакультетского учебного курса МГУ имени М.В. Ломоносова «Управление будущим (цифровое государство, право, финансы и искусственный интеллект)», член Российского философского общества

Рецензенты:

Степашин С. В., доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции РФ, генерал-полковник, сопредседатель Ассоциации юристов России, президент Российского книжного союза

Шахрай С. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, директор Института правоведения РГГУ

Эбзеев Б. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, член Центральной избирательной комиссии РФ

Тедеев, Астамур Анатольевич

T 29 Философия государства: право народа России на Государственность и собственное правоустройство народовластия в условиях цифрового мирового порядка (опыт научной футурологии). Манифест о государстве и цифровом мире / А. А. Тедеев. — М.: Издательство Самполиграфист, 2025. — 41 с.
ISBN

В эссе с позиций философии государства рассматривается вопрос о цивилизационной природе государственности, незыблемость и безусловность всемирно-исторического цивилизационного права народа России на собственную Государственность и собственное правоустройство народовластия в условиях цифрового мирового порядка. Рассматриваются философские проблемы восхождения к современному постсоциалистическому и посткапиталистическому информационному государству (правовому цифровому государству).

Для студентов, аспирантов и преподавателей факультетов высших учебных заведений, слушателей системы повышения квалификации, практических работников и всех интересующихся современным государствоведением и философией государства.

УДК 321.01
ББК 66.0+67.400

ISBN

© Тедеев А.А., 2025.

Посвящается светлой памяти

моей мамы
Светланы Георгиевны Дзагоевой

и учителей
Илларию Лаврентьевну Бачило,
Раисы Федотовны Захаровой,
Владика Сумбатовича Нерсисянца,
Бориса Николаевича Топорнина,
Вениамина Евгеньевича Чиркина

Призрак, или быть может, сообразно нашему времени, «виртуальная реальность» (от лат. *потенциальный, возможный, мнимый*) цифровизации государства бродит уже не только по Европе, но и по всему миру. Этот призрак уже почти нигде не травят, но пытаются обуздать, регламентировать, сплести социальными регуляторными путями действительно все, и «папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские». И ни одно правительство мира, ни одна сила, европейская или заокеанская, ни один законодатель, пока не нашел «противоядия» — исчерпывающих системных рецептов государственного регулирования всех, с учетом прогрессии усложнений, порождаемых этим призраком социальных процессов.

Настоящий опыт научной футурологии посвящён природе Государственности в условиях разворачивающейся цифровой эпохи, и в целом философским проблемам восхождения к постсоциалистическому и посткапиталистическому информационному государству современного цифрового мира — правовому Цифровому Государству.

Почему одни народы обретают цивилизационное право на собственную Государственность, а другие нет? На чем основывается такое всемирно-историческое право? Почему многонациональный народ России вправе выстраивать собственную Государственность и правоустройство (модель) народовластия? На чем фундаментирована в условиях цифрового миропорядка незыблемость и безусловность такого всемирно-исторического цивилизационного права народа России на собственную Государственность? Что может дать, какие возможности продолжения истории может открыть цифровая трансформация государства? Каким может быть государство после социализма и капитализма. Если право — математика свободы, как выглядит в мире цифрового завтра закон сохранения энергии Государственности?

В условиях начинающейся цифровой революции эти и многие другие, в том числе, казалось бы, уже сошедшие «с исторической сцены» вопросы, — обретают особое новое значение.

I. Главная задача отечественной философии

Один из ключевых вопросов современности — суверенитет в меняющемся информационном (цифровом) мире, а значит, обоснование права народа на свою собственную, суверенную Государственность.

Всемирно-историческая закономерность, а не случайность существования конкретного национального суверенного независимого государства как цивилизационного явления, право конкретного публичного союза (политического сообщества народа под властью права¹) быть и оставаться сколько это возможно с исторической точки зрения долго Государством, историческая обусловленность возникновения этого права, нравственные и, следовательно, правовые пределы его отстаивания — в новом меняющемся мире «наступившего будущего» это центральная философско-правовая проблема.

Будущее уже наступило, но оно не прекрасно. Гарантий государственности, обеспечения права на свое государство уже не может дать международное публичное право. Приходится признать, что его в формальном смысле, как надгосударственного нравственного договора между великими державами, уже не существует (ниже мы обратимся к этой проблеме более развёрнуто). Именно поэтому, в отсутствии чёткой философско-правовой позиции по этому ключевому вопросу (о критериях наличия или отсутствия, либо утраты цивилизационного всемирно-исторического права того или иного народа на государственность), бездействуют, утратили свою действенность международные институты. Так что забудьте о международном публичном праве, оно не помогает, его еще придется перепридумывать.

Забудьте об истории и исторических закономерностях, аналогии из прошлого тоже остались в прошлом и не работают. Не помогут исторические аналогии, апеллирование к единым стандартам, древним картам и т.д. Почему одним народам можно

¹ См.: Зорькин В.Д. Роль Конституций постсоветских государств в формировании новой государственности и объединении общества // Право и государство. 2015. № 3 (68). С. 22.

защищать свою государственность (и национальные интересы) любыми методами, не считаясь ни с какими наднациональными правилами и институтами (например, современный Израиль в его противостоянии с его историческими врагами), а другим народам (например, России) будто бы нельзя любыми методами защищать свои национальные интересы в их исторической пространственности?

Потому что мы не смогли пока сформулировать, предъявить «городу и миру» своей государственной идеи (не национальной, а, в наших реалиях, именно государственной, — это немножко другое), — ценностного обоснования неслучайности своей Государственности, нашего цивилизационно-исторического права на суверенную российскую Государственность. Поэтому главная задача современной отечественной философии, — выработка таких несущих конструкций философии Российского государства.

Напомним, в другой исторически сложный с точки зрения взаимоотношений с внешним миром, другими государствами, момент, — для становления советской государственности, обоснования такого же права на государственность, собственную философию государства как цивилизационно-исторического явления, — потребовалась формализация социально-философского, теоретического обоснования коммунистической идеи как государственной идеи советского государства, диалектического материализма как мировоззрения марксистско-ленинской (государствообразующей) партии в работах Главы государства². Мы сейчас специально не говорим о качестве социально-философского продукта, не оцениваем его значение, влияние, последствия или социально-исторический и идейный контекст (все это подробно рассмотрено в многотысячах статей и диссертаций). Тут важен сам уровень источника (формы) закрепления — самый высший в догматическом государстве. И. В. Сталин не случайно прямо определял главной задачей философии, целью официальной советской философии теоретическое обоснование коммунистических идей, — государствообразующих идей советского государства, его идеологической несущей конструкцией.

Поэтому для современной отечественной философско-правовой мысли главной задачей прямо сейчас становится насущная необходимость формирования целостной концепции

² Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Правда. 1938. 12 сен.

цивилизационно-исторического права на Российскую Государственность. При этом невозможно не согласиться с академиком А.В. Смирновым, когда он подчеркивает, что такой российский цивилизационный проект должен быть универсальным и как минимум равным по масштабу западной концепции государственности. Иначе это «стрельба в молоко». И это именно философская задача³, другие общественные науки (право, политология, социология, психология, экономика и т.д.), выполняют важную функцию накопления идей, но их синтез и преобразование в принципиально новое знание в абсолютно удачном ключе может случиться только на философской «лабораторной кухне».

³ См.: *Смирнов А.В.* Текущие задачи русской философии // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 189-191, 194, 206-209.

II. Что происходит с западной демократией (западным цивилизационным проектом)?

Важным фактором выступает то обстоятельство, что в последние годы в западной социальной науке постепенно разрастается рефлексия по поводу проблемы так называемого кризиса демократии, поиска новых, более легитимных электоральных и, шире, — управленческих процедур.

Сама проблема кризиса демократии выступает одной из наиболее обсуждаемых и дискуссионных в поле исследовательского внимания общественных наук и в России, и в зарубежных странах. Внутренняя архитектура мирового кризиса демократии на сегодня достаточно объёмно показана в литературе⁴. Отправной точкой современного этапа указанной дискуссии называют 1975 г., когда политологи С. Хантингтон, М. Крозье и Дж. Ватануки опубликовали подготовленный для Трёхсторонней комиссии отчет «Кризис демократии. Доклад об управляемости демократий Трёхсторонней комиссии» (Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. New York, New York University Press, 1975. 232 p.)⁵.

В так называемом западном мире, как справедливо подчеркивает академик В.Н. Руденко, совокупность таких факторов как элитарный характер современной демократии, утрата традиционными политическими партиями функции представительства интересов, трансформация социальной структуры общества, в частности, появлением прекариата⁶ и других социальных групп с

⁴ См. напр.: Петухов В.В. Мировой кризис демократии и ее перспективы в российских цветах // Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. С. 141-167.

⁵ См. подр.: Нисневич Ю. «Кризис демократии» в условиях постиндустриального цивилизационного транзита // Мировая экономика и развитие отношений. 2024 Т. 68. № 8. С. 117-128.

⁶ См. подр.: Тоценко Ж.Т. Введение // Жизненный мир работников: устойчивость versus прекариат: Коллективная монография. М.: Издательство «Весь Мир», 2024. С. 21-23; Тоценко Ж.Т. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда // Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда: материалы заседания 18 декабря 2021 г. М.: Новые печатные технологии, 2023. С. 17-38; Тоценко Ж.Т. Публичный и приватный жизненный мир прекариата: основные черты и особенности // От прекарной занятости к прекаризации жизни. М.: Издательство

незащищенными правами, привели к кризису согласительных политических систем, спровоцировав рост популизма⁷.

Отдельный большой вопрос: мировоззренчески смешивая капитализм и демократию как ингредиенты будто бы одного общественного уклада, притом образцового, не впадаем ли мы в логическую ошибку. Между рыночной экономикой (капитализмом с «западным человеческим лицом») и демократией опрометчиво бы было просто ставить знак равенства. И дело не только, по меткому выражению академика Н.Я. Петракова, в факторе жадности⁸.

Кроме того, приходится констатировать точность диагноза, согласно которому мы наблюдаем охвативший западные общества кризис ценностей: распространение неконтролируемых форм мультикультурализма, сугубо индивидуалистской концепции основных прав, стирание критериев, исходящих из общего интереса, размывание национальной идентичности. Все это вместе подрывает доверие к демократии как надежному механизму легитимации власти в политически организованной общности⁹.

Кроме того, можно напомнить, сколь быстро становятся бесполезными демократические процедуры при компактном общинном заселении. Могут быть приведены примеры компактного заселения ортодоксального религиозного населения в городах США (на северо-востоке, особенно в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси, но также в некоторых других штатах), вынужденных переселенцев с Ближнего Востока и из североафриканских стран, — в Европейском Союзе и т.д. В рассматриваемых случаях демократические процедуры не просто перестают работать, а напрямую используются более организованной и сплоченной частью местных сообществ для насаждения неравенства в зависимости от национальности, по признаку языка, происхождения, вероисповедования, для вытеснения всех «чужих».

При этом не забудем, что, как показывает демократизация стран Восточной Европы, Центральной Азии, Афганистана, Ирака конца XX - начала XXI вв., экспорт демократии западного образца

«Весь Мир», 2022. С. 20-38; *Тощенко Ж.Т.* Новое социально-экономическое явление: прекариат // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 146-161.

⁷ *Руденко В.Н.* Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // Антиномии. 2019. Т. 19. № 4. С. 138-155.

⁸ *Петраков Н.Я.* Деспотия демократии. М., 2005. № 5. С. 129-132.

⁹ *Матье Б.* Кризис ценностей, кризис демократии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1(80). С. 7-9.

с неизбежностью влечет за собой разного рода девиации (например, отсутствие связи политических институтов демократии с национально-культурной почвой народа)¹⁰ и перверсии. Указанные негативные тенденции и процессы требуют новых решений.

¹⁰ *Махаматов Т.М.* Демократия как образ жизни народа: Дис. ... д-ра филос. наук / МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2005. С. 6.

III. Смена коммуникационного уклада и процесс трансформации Государства

Напомним, что в своих работах о проблеме выбора постсоциалистического пути развития академик В.С. Нерсисянц указывал на тектонические последствия для миропорядка вследствие крушения Советского Союза, завершения системного противостояния между коммунистической и буржуазной идеологии, а равно антагонизма между капитализмом и социализмом, и на глобальное значение для всего хода дальнейшей истории цивилизации того, как разрешена будет проблема постсоциализма. При этом в кризисе социализма он видел не только начало нового большого поворота в мировой истории, но и возможность для нашей страны конструирования благоприятного выхода из социализма в постсоциалистическое будущее – цивилизм, отвечающее, по его мнению, логике всемирно-исторического прогресса свободы и права. Этой идее — мечте В.С. Нерсисянца, — к сожалению, не суждено было воплотиться, наша страна на развилке выбрала другой путь¹¹.

Но в целом он пророчески оказался прав, когда указывал на ошибочность господствовавшего в этот период ощущения, будто крах социализма есть естественное подтверждение концепции буржуазного, капиталистического конца истории¹² и

¹¹ «Глубинные причины, в силу которых мы в результате проводимых посткапиталистических реформ неизбежно оказываемся в докапиталистической (можно сказать, неофеодальной) ситуации кроется в природе складывающихся у нас общественных и политических отношений, в типе собственности и права. Эта типология предопределена постсоциалистическим огосударствлением собственности, т.е. созданием такой собственности, которая еще не свободна от государственной власти, и такой государственной власти, которая еще не свободна от собственности». См.: *Нерсисянц В.С.* Общая теория права и государства. М.: Норма, 2004. С. 361. Указанное показательно верно для всех постсоциалистических стран на территории бывшего СССР, кроме стран Балтии, как известно, решивших проблему собственности через институт полного и безоговорочного возврата ее первоначальным (досоциалистическим) владельцам. Именно избранная государством модель решения проблемы разгосударствления социалистической собственности существенно влияет, видимо, на степень сложности выхода из социализма.

¹² Как указывал В.С. Нерсисянц, «этим обусловлено и широкое распространение статьи Ф. Фукуямы, который (со ссылкой на Гегеля и неогегелиянца А. Кожева) дает гегельянское «добро» нынешнему процессу капитализации социализма и в целом капиталистическому ... концу мировой истории и человеческой цивилизации». См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148». См.: *Нерсисянц В.С.* Общая теория права и государства. М.: Норма, 2004. С. 358 (в сноске).

исторического прогресса, капитализма как венца и итога всемирно-исторического развития человеческой цивилизации. Что рыночный строй и либеральная западная система политико-правовых ценностей навсегда приходят на смену социализма с его неправом (отрицанием права) как модель, основанная на принципе всеобщего формально-правового равенства, который и характерен для капитализма. Итого, будто бы никакого другого выхода из социализма, кроме как в капитализм, не существует. Сейчас уже не вызывает сомнений, насколько прав был академик В.С. Нерсисянц, когда указывал, что социализм — это переходный строй, и в историческом движении от прежнего равенства к будущему большему равенству социализм действительно занимает промежуточное положение отрицания прошлого, социализм — это отрицание прошлого и радикальный антикапитализм¹³.

Но именно такой переходный строй оказался необходим для создания предпосылок для постепенного выявления и уничтожения экономического неравенства капитализма, именно он открывает путь к посткапитализму. Другим необходимым ингредиентом, катализатором изменений стал научно-технический прогресс и бурное развитие информационных технологий и информационного права. Как отмечает академик Т.Я. Хабриева, «в постиндустриальном обществе, по всей видимости, произойдет переоценка не только места и роли информации в жизни человека, государства, мирового сообщества, но и правовой концепции самой информации, понимаемой в настоящее время как любые сведения, сообщения, данные независимо от их оформления, а информационное право выйдет за рамки полупериферийного состояния и приобретет значение если не основной, то важнейшей отрасли законодательства и права в целом»¹⁴.

В настоящее время мы наблюдаем первый акт новой эпохи, когда сама история отворачивается от Государства в его традиционном, привычном нам понимании.

Вопрос о Государственности, право народа на собственную государственность и модель её правоустройства принято упрощено сводить к праву на самоопределение. В современных

¹³ Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма, 2004. С. 360.

¹⁴ Хабриева Т.Я. Введение. // В кн.: Киберпространство БРИКС: правовое измерение: Монография / И.И. Шувалов, Т. Я. Хабриева, Фэн Цзинжу и др.; отв. ред. Дэн Руйпин, Т.Я. Хабриева; сост. Жун Фу, Н.М. Бевеликова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2017. С. 18-19.

условиях трансформации государств в новом цифровом мире не-точность такого упрощенного подхода стала ещё более рельефной.

Напомним, согласно классическому подходу право народа на самоопределение понимается как право народа самостоятельно решать вопрос о форме своего государственного существования, свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять своё экономическое и культурное развитие. Как известно, право на самоопределение — один из традиционных, но труднореализуемых в жизни общепризнанных принципов международного права¹⁵. Между тем в современных условиях речь уже идёт не о векторе восхождения от не государства к государству, а фактически конкуренции за сохранение суверенной государственности в новых информационных (цифровых) условиях.

Оказалось, что в цифровое будущее пускают далеко не всех. Цивилизационное отставание - одно из самых разрушительных явлений для любого государства.

В начинающуюся эпоху для государств, отстающих в своем информационном (цифровом) развитии, в качестве и скорости цифровой трансформации системы публичного (государственного и муниципального) управления, трансформации национальной правовой системы, существенно повышаются риски постепенной утраты социальной управляемости обществом, а затем и разрушения основных структурных элементов государственного суверенитета. Нельзя не согласиться в этой связи с точкой зрения о том, что «неожиданно» наступившее «цифровое будущее» следует рассматривать как социальную революцию (разрыв преемственности), которая диктует необходимость ускоренными темпами создавать в цифровом мире новые механизмы государственного строительства и обеспечения эффективности традиционных социальных регуляторов.

Почему нами специально выделен концепт посткапиталистического (в западной литературе используется так же иной термин - инфокапиталистического) государства нового цифрового мира — правового Цифрового Государства?

¹⁵ Напомним, указанный принцип получил признание сначала в ст. 1 Устава ООН, а затем в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам (принятой резолюцией № 1514 XV-ой Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 г.) и последующих международных пактах и декларациях ООН (ст. 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., и др.). Считается, что реализация права народов на самоопределение входит в противоречие с принципом территориальной целостности государства.

Во-первых, в рамках феноменологии «конца истории»¹⁶ мы находим цепочку, уводящую нас за занавес, в послезавтра: постиндустриальный капитализм — мягкий капитализм — социально-демократический капитализм — инфокапитализм¹⁷. Смены вех экономической культуры, глобальная цифровизация государства (то есть, восхождение к информационному государству) решают проблему выхода из капитализма и открывают дверь в новое, посткапиталистическое будущее.

Уже сейчас всемирный вектор развития цифровизации общества, права и государства позволяет утверждать, что, вопреки ранее существовавшей парадигме, в новых условиях право возможно и при формальном равенстве не всех (и такая сегментация — не регресс права). Действительно, в классическом советском социализме не было свободы. В капитализме нет социальной ответственности и справедливости. Именно поэтому в XX веке от капитализма отвернулись народы с особым запросом на общинность (в Азии — на коллективизм) и справедливость.

Тут необходимо полностью согласиться с профессором В.Е. Чиркиным, когда он несколько лет назад отмечал, что «для подлинного социализма нужны не только теоретические выкладки и даже разработанные конституционные принципы, а прежде всего объективные условия: более высокоразвитые производительные силы (включая науку), иное общество, другие способы распределения общественного продукта и, что главное, иной человек. Последнему во всех концепциях социализма уделялось мало внимания, а марксизм-ленинизм имел дело почти исключительно с определенными «массами людей» (эксплуататоры и эксплуатируемые, общественные классы и др.), оставляя в стороне самого человека. Видимо, на данном этапе развития человеческого общества возможным новым типом более развитого общественного строя является социально-демократический капитализм, а современная конституция — это пока социально-демократическая капиталистическая

¹⁶ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-148; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004; Косарев В.М. «Конец истории» и аксиологический детерминизм // Вестник АГТУ. 2005. № 5. С. 34-56; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993; и др.

¹⁷ Сорочайкин А.Н. Номо economicus периода постиндустриального капитализма // Основы экономики, управления и права. 2012. № 3 (3). С. 103-107; Бляхман Л.С. Постиндустриальный капитализм: вызовы модернизации и уроки для России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2011. № 3. С. 9-13; и др.

конституция. В завершённом виде такого рода конституции пока нет»¹⁸.

Во-вторых, современное государство цифрового мира, точнее, правовое цифровое государство (нем. Digital Rechtsstaat; китайск. 社会主义数字化法治国家 - социалистическое цифровое правовое государство, 建设数字法治政府 - построение цифрового правового правительства, цифрового правительства в условиях верховенства закона), это образ желаемого будущего и заложенный в нашей Конституции «код» (по профессору С.М. Шахраю – «код саморазвития Конституции»¹⁹), - концепция управления этим будущим, в котором в целях обеспечения реализации конституционных прав на развитие, технологии должны «подчиняться» правовому закону. В постановочном плане введение такого понятия как правовое цифровое государство нам представляется наиболее удачно отражающим суть рассматриваемого явления.

Конечно, нельзя не согласиться с профессором В.Д. Зорькиным, когда он подчеркивает, что само понятие «правовое государство» во взаимосвязи с реалиями XXI столетия ещё ждёт своей доктринально-концептуальной разработки, что потребует тесного сотрудничества юристов и философов, и в отечественных общественных науках (праве, политологии, философии) пока не сложилось непротиворечивой и общепризнанной доктрины правового государства, нет единства даже в вопросе о том, какие именно признаки правового государства в своей совокупности отражают его сущность²⁰.

Вместе с тем не вызывает сомнений, что идея правового цифрового государства, прежде всего, противоположна цифровому произволу («цифровому рабству») во всех его разновидностях, - в том числе ограничению свободы под предлогом прогресса технологий.

¹⁸ Чиркин В.Е. Социально-экономический вектор конституционного развития: сравнительное измерение // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1 (68). С. 13.

¹⁹ Сергей Шахрай: Меня успокаивает то, что мы сейчас находимся в «дорском периоде» (Интервью С. Закатновой с С. Шахраем) // Российская газета. 2008. 11 дек. С. 5.

²⁰ Зорькин В.Д. Философия права: прошлое, настоящее и будущее // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Пред. Мионов В.В., Солонин Ю.Н.; издание Московско-Петербургского философского клуба. М.: Летний сад, 2010. С. 42-45; Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма, 2011. С. 52-53.

Поэтому, подчеркнем, что в самом общем смысле правовое цифровое государство есть синергия, правовая симфония идей Цифровой Конституции²¹, цифрового Свода нормативных правовых актов Российской Федерации, конституционного цифрового аудита, трансформации права и свободы в цифровом мире, цифрового развития единой системы органов публичной власти, конституционного режима цифровой экономики²².

Цифровая трансформация государства и права, первые аккорды которой мы сейчас наблюдаем, выступает самым первым, подготовительным этапом (прологом) перехода к построению правового цифрового государства.

Суммируя вышеуказанное подчеркнем, что действительно, для прорыва за горизонт традиционно очерчиваемого будущего оказался нужен портал, пороговое изменение, — и его, видимо, способен обеспечить научно-технический прогресс — новые

²¹ См.: *Шахрай С.М.* Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 12. С. 1075-1082; *Шахрай С.М.* Цифровая трансформация и Конституция. Взгляд из Поднебесной // Конституционно-правовое развитие современной России: тенденции, приоритеты, проблемы: Материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 4-5 июня 2021 года / Администрация Главы Республики Башкортостан, ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан», Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан. Уфа: Казенное предприятие Республики Башкортостан Издательство «Мир печати», 2022. С. 21-29.

²² См. напр.: *Тедеев А.А., Усанов В.Е.* Электронное государство: Монография. М.: Элит, 2008; *Тедеев А.А.* Рецензия на книгу: *Шахрай С.М.* О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд. общественных наук РАН. М.: Наука, 2013. 920 с. // Вопросы правоведения. 2013. № 4. С. 453-458; *Тедеев А.А.* Государственное управление в административно-политической сфере в цифровую эпоху // Вопросы правоведения. 2018. № 1. С. 36-40; *Тедеев А.А.* Современное государственное управление и функции цифрового посткапиталистического государства // Труды по интеллектуальной собственности. 2020. № 3-4 (том XXXVI). С. 22-29; *Тедеев А.А.* Государственный (конституционный) аудит зарубежных стран: Учебник для магистратуры. М.: Изд-во СамПолиграфист, 2024; *Тедеев А.А.* Права человека в информационной среде глобальных компьютерных сетей // Человек и закон. 2007. № 5. С. 103-109; *Тедеев А.А.* Перспективы реализации избирательных прав граждан в информационной среде в условиях глобализации: трансформация народовластия в условиях глобализации // Информационное право. 2009. № 2. С. 25-29; *Тедеев А.А.* Электронная коммерция (электронная экономическая деятельность): правовое регулирование и налогообложение: Монография. М.: Приор-издат, 2002; *Тедеев А.А.* Налогово-правовое регулирование электронной экономической деятельности: проблемы терминологии // Законодательство и экономика. 2002. № 2. С. 21-25; *Тедеев А.А.* Проблемы налоговой юрисдикции и международные пробелы налогообложения при транснациональной электронной коммерции // Налоги (журнал). 2008. № 4. С. 9-10; *Тедеев А.А.* Электронное государственное предпринимательство как вид электронной коммерции и его развитие в РФ // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда (ЭПОС). 2008. № 4(36). С. 115-117; *Тедеев А.А.* Информационная экономика: ориентиры государственной инновационной политики // Труды по интеллектуальной собственности. 2012. № 1 (том X). С. 190-201; *Тедеев А.А.* Развитие информационных технологий, информационной экономики и правовое регулирование дистанционного труда в России (некоторые проблемы) // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 25-28; *Тедеев А.А.* Правовое регулирование оборота криптовалюты в зарубежных государствах и в России: возможные подходы // Государство и право. 2019. № 9. С. 136-139; и др.

цифровые технологии, фактически «переустанавливающие» сложившиеся и казавшиеся незыблемыми социальные институты.

Ниже мы обратимся к этому вопросу подробнее, а пока напомним, что в западной политической философии считалось аксиоматическим, что глобализация информационных и коммуникационных технологий, проникновение Интернета, особенно мобильного, затем социальные сети и принципиальное изменение моделей оборота массовой информации уничтожит социальную основу закрытых политических режимов, что автоматически докажет естественно-историческое преимущество западной демократии над всеми иными общественными укладами. Сегодня очевидно, насколько такие оценки оказались в корне ошибочными.

Оказалось, что социализм (например, в его современном китайском варианте) способен перегруппироваться и приспособиться к новым технологическим условиям. Внедрение передовых технологий и цифровой технологический скачок, помноженные на социалистическую дисциплину и коллективизм, позволили доказать возможность конкурентоспособности и постсоциалистических способов хозяйствования. Более того, как и предполагали многие западные исследователи в 1920-30 гг., оказалось, что при определенных условиях элементы народно-хозяйственного планирования действительно могут повышать устойчивость национальной экономической системы. А ведь одним из главных аргументов в пользу капитализма всегда был тезис о безоговорочной более высокой эффективности экономики, построенной на классических рыночных принципах. Китай показал, что в новых, цифровых условиях это оказалось не совсем так.

В области социального управления, казалось, сначала был избран так органичный социализму путь ограничения доступа к информации, ее блокировки. Однако симптоматичным моментом нам представляется запуск эксперимента по введению принципиально новой формы тотального цифрового контроля — индивидуального рейтинга граждан.

Цифровые социальные регуляторы делают ненужными контроль за оборотом информации, Интернетом и социальными платформами (фильтрацию и ограничения контента). При этом они открывают невозможное ранее «цифровое окно» для реализации принципиально новых возможностей справедливого управления обществом при сохранении абсолютной свободы каждого.

При этом, цифровизация публичного хозяйства, новый экономический уклад (цифровая экономика) во многих передовых с социально-экономической точки зрения государствах западного мира уже поставили вопрос о возможности переворота в векторе финансовых обязательств между государством и гражданином. Пока граждане на референдумах в Швейцарии и Дании отказались от базовых гарантированных выплат, но, очевидно, что это только начало.

Есть ли у нас иллюзии, что подобные инструменты социального управления не будут вписаны в правовые модели капиталистического общества с оправданием тотальности контроля все оправдывающими целями антитеррористической защиты населения? Ответ очевиден еще после Патриотического акта (англ. USA PATRIOT Act; полное наименование: *Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001*, «Акт «О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму», 2001 г.)²³.

Фундаментальный факт заключается в том, что цифровизация общественной жизни открывает новую возможность, переходный строй от капитализма к уничтожению свойственного ему экономического неравенства, но с сохранением верховенства права — цифрового посткапитализма.

Проследим особенности трансформации современного Государства, проявляющейся в качественном изменении его функций²⁴. В отечественных общественных науках в 1960-70 гг. вопрос о функциях государства, особенно в критическом противопоставлении взглядам зарубежных ученых из капиталистических стран, активно разрабатывались. Вместе с тем, необходимо учитывать наличие в рамках общего советского учения о государстве и праве

²³ См. подр.: *Ермилова Э.А.* Основные мероприятия по противодействию терроризму на территории США после событий 11 сентября 2001 года // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. №7 (129). С. 39-46; *Ефремов А.Е.* Этапы развития законодательства США по борьбе с терроризмом после 11 сентября 2001 года // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 88-94; и др.

²⁴ См. подр.: *Кириллов Н.Н.* Функции советского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950; *Каск Л.М.* Функции и структура государства / Отв. ред.: Керимов Д.А. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. С. 7-46; *Кожаневский В.Б.* Функции советского общенародного социалистического государства: Учебное пособие / Отв. ред.: Нижечек В.И. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. С. 5-10; *Байтин М.И.* Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. С. 190-234; и др.

естественного смещения фокуса исследовательского интереса в сторону вопросов права. Работ по государству было существенно меньше. По понятным причинам в рассматриваемый период в теории государства для заинтересованного исследователя, к сожалению, оставалось не так много тем, которые были бы не заморожены накрепко политическими идеологами, а значит, неподъемны. И один из таких относительно «живых» сюжетов представлял собой вопрос о функциях государства. «Относительно живых», потому что исследование этого вопроса марксистско-ленинская диалектика позволяла только с позиции выявления классовой сущности государства через функции. В работах ученых капиталистических стран классовый характер вообще не рассматривался. При этом, если советские ученые приходили к известной схеме с внутренними и внешними функциями (она и сейчас у нас в каждом учебнике), то западная концепция функций государства сложнее, они пришли к пониманию сущности государства через реализуемые цели деятельности государственного аппарата, и в конечном итоге концентрируются на трех функциях: формирование законодательства, осуществление управления (государственного администрирования) и отправление правосудия. По этому контуру происходит и разделение властей. Это, кстати, позволяло советским правоведам, не акцентируя внимание на разделении властей и принципе сдержек и противовесов, просто лихо обосновывать отсутствие у капиталистических государств культурно-образовательных и просветительских функций, и на этом материале делать вывод (следите за руками) о том, что «в отличие от советской власти, там не заботятся о народе».

Суммируем основные спровоцированные сменой коммуникационного уклада наметившиеся тенденции трансформации современного Государства.

Первое — смешение внешних и внутренних функций (по советской терминологии), а с точки зрения подхода западной политической философии — изменение взаимодействия в парадигме «Личность — Государство». Трансформируется институт гражданства. Теперь это устойчивая правовая связь не с конкретным государством, а с группой государств, придерживающихся цивилизационно общих идеологием. С одной стороны, граждане дифференцируются «по сортам» (по социальной значимости, читай, по заслугам перед обществом), с другой — для «высшего сорта»

(например, для лояльных граждан стран западного мира) отношения с «патером» (государством) от модели гражданства переходят к модели роуминга. Необходимый социальный набор прав и обязанностей един на всей территории «покрытия» — во всем «западном мире».

Обязанности государства перед гражданином исторически были фундаментированы на налогах, которые гражданин платит. Этот фундамент стремительно размывается. Налоги утрачивают свое значение, цифровая экономическая культура позволила перейти к существенному сокращению расходов бюджетов и позволяет невиданные ранее масштабы повышения эффективности финансирования государственной деятельности, государственного финансового контроля. В этих условиях трансформации механизмов перераспределении общественного продукта и национального дохода у государства появляются, наоборот, финансовые возможности платить лояльным гражданам за то, что они граждане.

Во-вторых, цифровые технологии и информационные интеллектуальные системы (информационные системы искусственного интеллекта) не заменят Человека полностью. Таким образом, помимо имущественного вектора, расслоение человечества будет проходить и по этой линии. И именно в этом ключе обострится цивилизационная борьба за право жить в «первом мире».

Однако простых решений не будет. Легалтех, финтех, роботы, искусственный интеллект и цифровые платформы решают многие проблемы, но и порождают не менее сложные вызовы. Искусственный разум всех работников не заменит.

Цифровых судей не будет. Государство не может себе позволить ослабления монополии на легальное насилие, и поэтому не сможет полноценно передать эти задачи цифровым помощникам.

Третье — проблема трансформации социальных регуляторов. Помимо информационного права, регламентирующего собственно вопросы коммуникаций, в каждой отрасли российского права формируются информационный, или цифровой, «спецотдел» — специальная часть, суммирующая особенности применения соответствующих традиционных отраслевых режимов в новых условиях. Общая проблема — традиционные правовые конструкции веками складывались в другой парадигме, в новых условиях они в принципе не применимы. В цифровую эпоху стираются границы пространства и времени. Перед правом встают принципиально новые

задачи. Государство как платформа уже устаревшая модель. Цифровые технологии прямого народовластия прорвутся не только в законодательный процесс, изменят парламент, но и трансформируют традиционные модели функционирования и других ветвей власти. Новые возможности появляются для формализации контрольной власти.

Четвертое — цифровая гласность и пределы распространения информации (проблема пределов права на анонимность). Современные правовые системы основаны на том, что, условно, есть зоны общественных отношений, регламентированные правом, и зона личная, не общественная, куда праву и государству вмешиваться не надо. В цифровых условиях эта парадигма стремительно рушится. Выбор теперь стоит так: права человека (в парадигме Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.) на одной чаше весов, а на другой — новые конституционные ценности: цифровой государственный суверенитет и национальная информационная безопасность как фундаментальные основы системы личной безопасности каждого члена информационного (цифрового) общества.

IV. Почему не может быть особого пути России и ещё какого-то сорта демократии рядом с западной?

Тут нельзя не согласиться с академиком А.В. Смирновым, когда он развернуто показывает ключевое противоречие в интеллектуальных метаниях о цивилизационном месте России как «части Запада» или «собственной Евразии». С одной стороны, в российском обществе после развала СССР очень долго молчаливо (а иногда и прямо наоборот) принималось, что только путь европейской (западной) цивилизации универсален. Восприятие европейского (западного) цивилизационного проекта как универсального господствовало и продолжает в значительной мере господствовать в России... Это принимается на уровне массового убеждения. Но если так, то тогда надо согласиться с тем, что... страны мира выстраиваются линейно в перспективе более или менее успешного воплощения этого универсального цивилизационного проекта, который создан в Европе и который воплощен на Западе. Молчаливо принималось, что для России есть только путь универсальный, путь западной цивилизации. Это принималось в общем и целом. И в русле этого ответа логически неизбежным было представление (неважно, высказывавшееся или нет) о том, что Россия — страна вечно отстающая, неспособная нагнать «передовой отряд» цивилизации, страна с каким-то неизбывным изъяном... При этом, даже если, напротив, ставился вопрос об особом пути России, — базовая эпистемология, да и весь теоретический аппарат тех, кто рассуждал за эти тридцать лет об особом пути или особой идентичности России, целиком не собственный, целиком заимствован из арсенала все той же европейской философии²⁵.

Отсюда академик приходит к абсолютно обезоруживающему по точности выводу, — «до тех пор, пока не будет предложено и принято адекватное эпистемологическое обоснование российского цивилизационного проекта, — обоснование, которое по своей сути не может не быть универсальным, что в данном случае не означает

²⁵ Смирнов А.В. Текущие задачи русской философии // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 190-191.

«общечеловеческим», — до тех пор все попытки обосновать собственный путь России будут философски ничтожными, а значит, и практически пустыми»²⁶.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что универсальность не означает абсолютную идентичность, «одинаковость». Наоборот, это фактор «открытого кода», где при общих универсальных базовых ценностях, в конкретном государстве учитываются особенности национальной политической и правовой культуры, истории, традиций (особенности национального конституционализма).

V. Как смена коммуникационного уклада влияет на регресс западной демократии как цивилизационного проекта?

Имеет ли кризис западной демократии место? Наш ответ, — нет. Это не кризис, а регресс, - процесс отмирания, крушения демократии как отжившей свое. Когда представители западной философской мысли пишут о нарастании кризиса демократии, тенденция ими помечена правильно, не верен общий диагноз. Мы сейчас наблюдаем смену поколений социальных порядков — предстоит закономерное перерождение в следующую историческую парадигму общественного развития.

Еще раз подчеркнем, это не кризис, а «расцвет конца». Лишнее доказательство точности диагноза — оценки состояния дел с демократией в Европейском Союзе, прозвучавшие в Мюнхенской речи вице-президента США Дж. Ди Вэнса (произнесена на 61-й Мюнхенской конференции по безопасности 14 февраля 2025 г.), и ответная реакция европейского истеблишмента в части состояния демократии в США²⁷.

Но конец — это всегда новое начало. Еще раз специально подчеркнем, говоря о крушении, мы имеем в виду смену поколений социальных порядков, перерождение и переход от демократии к следующему универсальному политическому режиму. Подходящий термин найдется, возможно предложить использовать русское слово «народовластие» (мы вернемся к этому ниже). Важно, что это уже будет не западный проект, а общечеловеческий, и он будет собран не из деталей западной политической философии, а из оригинальных многовекторных идей, цивилизационных политико-правовых доктрин незападного типа.

Демократия как несовершенная, но — в определенный исторический момент — лучшая из имевшихся форма политического режима, на наших глазах сходит с исторической сцены, причём в

²⁷ In Munich, JD Vance declares ideological war on Europe. // Le Monde. 2025. 15 fév.; Wintour P. JD Vance stuns Munich conference with blistering attack on Europe's leaders. // The Guardian. 2025. 15 feb.

первую очередь в её классических странах Запада (США, Европы). И главная проблема западного цивилизационного проекта — кризис социально-философских идей, который и привел к разрастающемуся краху институтов. Но надгробной доской классической западной демократии стала смена коммуникационного уклада с информационного (начавшегося с момента массового печатного дела) на цифровой.

В качестве небольшого отступления подчеркнем, что наши исследования показывают наличие прямой зависимости общественного развития от волнообразной смены коммуникационных (информационных) укладов (тут может быть применена метафора информационной волны перемен, меняющей уклад социальной жизни). На более высоком уровне детализации эта парадигма может быть увязана с концепцией циклов (волн) Н.Д. Кондратьева.

Считается, что технологический уклад — это совокупность сопряжённых производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно. Считается, что смена доминирующих в экономике технологических укладов предопределяет неравномерный ход научно-технического прогресса (тут уместной будет отсылка к работам Карлоты Перес²⁸). Соответственно, смена коммуникационного уклада включает в себя указанные технологические процессы (технологические сдвиги), но социальные изменения, порождаемые волной смены уклада, как правило, носят взрывной, резкий характер. Внешне проявляются в форме социальных катаклизмов, нередко порождают глобальные явления, имеющие геополитическое измерение. Как подчеркивает профессор А.А. Аузан «цифровая революция — четвертая промышленная революция, как все промышленные революции, имеет очень тяжелые социальные последствия»²⁹.

Главная и единственная причина кризиса, а затем и крушения демократии в ее классическом виде — смена коммуникационного уклада, наступление так называемой цифровой эпохи (точнее, ее начало). В качестве примечания: необходимо помнить, что цифровизация не является самостоятельным явлением, это всего лишь

²⁸ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / Пер. с англ. Ф.В. Маевского. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011; *Perez C. Technological Revolutions and Techno-Economic Paradigms* // *Cambridge Journal of Economics*. 2010. Vol. 34 (1). P. 185–202. doi:10.1093/cje/bep051.

²⁹ См.: Профессор Аузан: «Нынешние поколения такого глубокого цивилизационного кризиса не видели» // Деловая электронная газета «Бизнес Online». 2020. 19 дек. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/492997?ysclid=m7xjr65p6b817688494>

верхняя, видимая часть айсберга коммуникационной волны. Она несёт в себе все закономерности и накопленную энергию всех предыдущих волн изменений, меняет социальный уклад, но ее архитектура пока не завершена, она еще не развернулась во всю свою мощь.

Почему оказалось, что в цифровом государстве не может существовать классическая демократия? Ведь был период в начале 2000-х гг., когда, наоборот, в западной политической философии грезили о том, что как раз компьютеризация, проникновение Интернета сметет недемократические социальные порядки, автоматически приведет ко всемирному торжеству западной демократии. Жизнь оказалась до смешного сложнее.

Классическая западная демократия строится на нецифровой коммуникации (обороте социальной информации посредством нецифровых источников), через иллюзию осознанного решения большинства. Социальный выбор осуществляется членами общества, большинством, при заикленности на иллюзии полноты равенства доступа к информации. На самом деле, за счёт низкого коммуникационного проникновения осуществляется ограничение информированности. У избирателя есть вся, неретушируемая и неотредактированная информация о будто бы всех вариантах социального выбора: во-первых, обо всех кандидатах (при проведении свободных выборов) или вариантах собственно решения тех или иных социально и юридически значимых вопросов (по форме это голосование в парламенте, референдум). У каждого активного участника политического процесса максимальное формальное равенство доступа к платформам донесения (средства массовой информации) информации до пассивных участников-избирателей (выборщиков), в руках которых посредством демократических процедур будто бы и сосредотачивается вся власть принятия соответствующего решения.

Но у него (народа, избирателя, выборщика) нет на самом деле и принципиально не может в рамках западной демократической модели оказаться инструментов ознакомления (не говоря об анализе) со всем массивом указанной информации. Это противотечение институционально зашито в цивилизационном коде западного проекта, классической западной модели демократического политического режима.

Не осознавая этого, он систематически «работает», «участвует в управлении государством», — электоральный обыватель принимает важные решения, анализируя и имея представление только о части информации.

Но потом норма меняется. Происходит коммуникационный сдвиг — приходит волна информационной трансформации. Вдруг резко сначала массив информации расширяется кратно (появление цифровых форматов информации) и так же стремительно у каждого появляется постоянно совершенствующаяся «прямо в руках» система информационных технологий анализа оборота данных: простых доступных инструментов (приложений) для просмотра (ознакомления) и анализа качественно больших объёмов социальной информации (вспомним точную фразу из иннаугурационной речи Д. Трампа 20 января 2025 г.: «поместили вселенную человеческих знаний в ладони человека»).

Оказалось, что ранее (до смена коммуникационного уклада) равенство доступа к информации на самом деле было равенством организационной (коммуникационной) ограниченности, — неравенством не-доступа к недоинформации. В начинающуюся цифровую эпоху объём массивов информации (массовой социальной информации), которая потенциально может оказываться и оказывается в публичном доступе (отложим в сторону «отягчающие обстоятельства» — проблемы качества, достоверности этой информации, дипфейков), в миллионы раз шире. К тому же выяснилось, стало очевидным для простого обывателя, который и является потребителем демократии, что ограничение доступа было управляемым. Занавес пал, «кукловоды выпали к ногам ошарашенных зрителей».

Кроме того, в качестве дополнительного частного примечания обратим внимание еще на одно обстоятельство, всегда подрывавшее «демократизм демократии» именно по линии полноты доступа к информации. Как мы помним, согласно классическому прочтению, в рамках западной модели демократии высшим непосредственным выражением власти народа остается референдум. Вместе с тем, во многих государствах с демократическими политическими режимами установлены конституционные и законодательные запреты выносить на всенародные референдумы наиболее чувствительные вопросы, — например, бюджета или иных финансовых обязательств государства.

В свое время, когда эта проблема была вынесена на рассмотрение Конституционного Суда РФ (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2007 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа»), его управление международных связей, изучения и обобщения зарубежной практики конституционного контроля подготовило специальный Обзор с целью выявления тенденций соответствующей практики. В нем подчеркивается, что, во-первых, «в международном праве эти вопросы практически не находят отражения». Во-вторых, «практика международных судов по данным вопросам отсутствует». В-третьих, соответствующее «национальное конституционное и законодательное регулирование, ... а также судебная практика конституционного контроля» не однородна³⁰.

Составители обзора выделяют группу стран, в которых есть прямое ограничение «(в Европе и СНГ — Азербайджан, Албания, Белоруссия, Венгрия, Греция, Дания, Италия, Казахстан, Латвия, Молдова, Португалия, Словакия, Узбекистан, Украина, Швейцария, Эстония, а в Латинской Америке — Венесуэла, Гондурас, Коста-Рика, Парагвай, Перу, Уругвай, Эквадор. В Албании и Италии были единичные попытки конституционного обжалования. Наконец, ... — редкие исключения, «финансовые вопросы, наоборот, подлежат, при определенных условиях, обязательному вынесению на общенациональный референдум (Лихтенштейн, Швейцария)»³¹. Конечно, за прошедшие годы в мире была принята дюжина новых Конституций, но возможно утверждать, что принципиальных изменений представленный расклад не претерпел.

Западный демократический цивилизационный проект «просто» оказался не готов, органически не приспособлен к такому скачку объема свободы (свободы информации, гласности и информированности «простого народа»), - не хватило ликвидного «запаса» равенства и справедливости.

Ранее на уровне непререкаемых идеологем декларировалось, утверждалось в качестве аксиоматического, что демократия строится на открытости и равенстве прав и этим «окупает» издержки

³⁰ См.: Вынесение на общенациональный референдум вопросов, касающихся бюджета или иных финансовых обязательств государства. Зарубежная практика конституционного контроля. Обзор. М.: КС РФ, 2006. С. 5-7.

³¹ См.: Там же. С. 7.

несправедливости своей экономической модели — капитализма (возможно использовать менее окрашенные термины, вроде «экономики рыночного типа» и т.д.). Волна коммуникационной трансформации обнажила недосказанность и лукавость вышеуказанных «социальных теорем».

Информационная революция должна была укреплять демократию, но сработал обратный эффект. На возможные будущие проблемы указывали многие «звоночки», в частности, «Дело Викиликс», Асанжа, шпионажа США против Германии и т.д. Но они до поры не позволяли сложить общую картину. Необходим был существенный социальный толчок, которым и стала пришедшая вскоре коммуникационная волна.

Цифровая социальная информация бескрайня, как океан, и она утопила свободу и равенство (в их классическом либеральном понимании), подорвав доверие к важнейшим идеологемам демократической формы организации политического режима.

В части международных отношений вышеобозначенные процессы имели ещё более разрушительные последствия для социальных порядков и глобальной безопасности.

Как уже указывалось выше, предполагалось, что цифровая революция, расширив доступ к информации с проникновением Интернета, мгновенно опрокинет диктатуры и авторитарные политические режимы (цветные революции, арабская весна и т.д.). В политическом классе крупнейших демократических государств вера в этого «бога из машины», уверенность в абсолютной точности гипотезы спровоцировали ощущение «божественной правоты», исторического превосходства демократии, а, следовательно, отсутствия необходимости продолжать «инвестировать в международное право и международные институты». Так неверные оценки привели в итоге к разрушению международного права и международных институтов (через подрыв их авторитета).

Кроме того, важной лакмусовой бумажкой стала пандемия COVID-19.

Западная демократия не выдержала испытания новой цифровой реальностью, гипероксии свободы информации, — позволила как минимум, усомниться в своей универсальности в качестве цивилизационного проекта. Одновременно западная цивилизационная модель в условиях этого нового коммуникационного цифрового уклада откровенно спасовала перед первыми же глобальным

вызовами прочности государственного управления, причем, не только в части управления общественным здоровьем и в целом здравоохранением, а прямо по стыку механизма Государства. Как известно, прочность на разрыв — это ключевой показатель, определяющий способность любого материала выдерживать нагрузку, прежде чем он разрушится. Государство как социальная система — не исключение. Новый цифровой уклад внес для современных западных государств в «табель» значений указанных предельных показателей чувствительные изменения.

В 2003 г., когда мир впервые столкнулся с глобальной медицинской проблемой — атипичной пневмонией SARS, в декорациях стремительного самораспаковывающегося нового цифрового информационного уклада появился даже специальный термин — «инфодемия» (анг. infodemic). Напомним, его ввел в оборот эксперт по внешней политике Д. Роткопф в своей статье от 11 мая 2003 г. в «Вашингтон Пост» («Washington Post»), также опубликованной в «Ньюздей» («Newsday»), «Рекорд» («The Record»), «Окленд Трибюн» («Oakland Tribune») и «Чина Дейли» («China Daily»), упомянув информационную эпидемию, или «инфодемию», в контексте вспышки атипичной пневмонии в 2002-2004 г.³² Оксфордский словарь английского языка (Oxford English Dictionary) определяет инфодемию (слово-гибрид от information и epidemic) как распространение разнообразной, часто необоснованной информации о кризисных событиях, которая неконтролируемо транслируется по каналам массовой информации и усиливает нервную атмосферу в обществе³³. Широкое распространение термин обрел, когда уже в условиях развертывающейся новой цифровой реальности (как принято указывать, — в цифровую эпоху) пандемия коронавирусного заболевания COVID-19 наглядно и ужасающе показала системную неспособность западного цивилизационного проекта отвечать таким и подобным вызовам, в первую очередь по причинам информационного (коммуникационного) свойства. Обеспечить непрерывное функционирование всех соответствующих звеньев механизма современного государства в условиях гипероксии информации оказалось крайне затруднительно. Указанное побудило

³² Rothkopf D.J. When the Buzz Bites Back // The Washington Post. 2003. 11 May. P. 1; Rothkopf D.J. SARS Also Spurs an 'Information Epidemic' // Newsday. Long Island, N.Y. 2003. 14 May. P. A29.

³³ См. подр.: Кондратьева О.Н., Игнатова Ю.С. Инфодемия: становление нового медиаконцепта // Медиалингвистика. 2023. № 10 (4). С. 497–521; Землянский А.В. Инфодемия: генезис и морфология явления // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 4. С. 111–114.

Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) специально закрепить в Резолюции WHA73.1 «Борьба с COVID-19» (принята 19 мая 2020 г.)³⁴ положения о том, что решение проблемы инфодемии является важной составляющей борьбы с пандемией. ВОЗ призвала государства к принятию безотлагательных мер против распространения ложной и неверной информации, в частности, в цифровой сфере, а также против злоумышленной деятельности в киберпространстве, призвала содействовать своевременному предоставлению общественности четких, объективных и научно обоснованных данных и информации (пп. 6 п. 7 Резолюции).

Исходя из ставших традиционными идеологем цивилизационного превосходства, универсальности западного проекта, меры комплексного реагирования государств «западного» и «не западного» мира на пандемию должны были дать колоссально отличающиеся результаты в части эффективности борьбы с COVID-19, продемонстрировав кардинально разный уровень качества государственности. Напомним, что предыдущие глобальные кризисы доцифровой эпохи, как правило, неукоснительно подтверждали универсальность и безусловное качественное превосходство западного цивилизационного проекта. С очевидностью возможно утверждать, что теперь, в цифровую эпоху, такого уже не наблюдается. Оказалось, что король голый.

Таким образом, высшей степенью коллективной социальной легкомысленности является упорное стремление продолжать не предавать значения следующему обстоятельству. Что мы имеем, как говорил академик Б.Н. Топорнин, «в сухом остатке»? Прикрываясь флагами демократии как превентивной индульгенцией, западные политические элиты оттерли народ от принятия решений, выхолостили его власть, подорвали доверие к скрижалям и конституционным ценностям. Цифровая революция обнажила для всех несправедливость такой демократии. Не справившись с постепенным нарастанием сложности государственного управления в новых условиях (невообразимости прогрессии роста объема социальной информации, подлежавшей управленческому анализу и отработке) сначала медленно затрещали, а теперь стремительно обрушаются ее институты.

³⁴ Семьдесят третья сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения. г. Женева, 18-19 мая 2020 г. (сессия в сокращенном формате) и 9-14 ноября 2020 г. (возобновленная сессия): резолюции и решения. WHA73/2020/REC/1. Женева: ВОЗ, 2020. С. 3-10.

Вышеозначенные процессы не являются завершенными или свершившимися. Ровно наоборот, это лишь только самые первые капли будущего ливня, о силе, продолжительности и последствиях которого мы пока можем только фантазировать. А значит, это ещё не наступившее будущее, которым, тем не менее, уже необходимо предпринять попытку управлять. И тут как никогда важна бесперебойная научно обоснованная работа социальных регуляторов.

VI. Ключ к новому социальному порядку — в переосмыслении места человека и его прав в меняющемся мироустройстве

Вопрос состоит в формировании философско-правовых основ универсального цивилизационного проекта для всего мира — концепции (плана) будущего для постсоциалистических и посткапиталистических (или, как их именуют в зарубежной литературе, инфокапиталистических) информационных (цифровых) государств, в условиях цифрового мира и человечества общей судьбы. Ключ к такому новому цивилизационному проекту народовластия — переосмысление (передумывание) прав человека.

Неслучайно, выступая еще в 2018 г. на правозащитном форуме в Афинах, профессор М.А. Федотов, Советник Президента РФ — председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (2010-2019), подчеркивая, что в настоящее время формируется «новое поколение прав человека, появляются новые вызовы в правах человека, новое понимание», предложил провести в 2023 г. для их осмысления и обсуждения в г. Москве Третью Всемирную конференцию по правам человека³⁵. В силу объективных причин, в указанные сроки эта идея, к сожалению, не могла быть реализована, однако это не означает отсутствия безусловной необходимости вернуться к указанному предложению в самом ближайшем будущем (например, к 80-летию принятия Всеобщей декларации прав человека).

Представляется, что новое, следующее поколение прав человека — это права общества (сообществ). Мы десятилетиями смотрели на права человека слишком прямо, буквально. Теперь появился контекст для того, чтобы ситуация поменялась. Мы смотрели на права человека как на зеркало, в котором видели свое отражение и желаемый нами правовой статус (свободу, равенство, справедливость). Мир поменялся, теперь надо смотреть как бы из зеркала, со стороны государства смотреть на человека.

³⁵ РИА Новости. В СПЧ предложили провести в Москве Всемирную конференцию по правам человека. (23.10.2018, 01:03). URL: <https://ria.ru/20181023/1531236898.html>

Западная демократия была моделью поиска формального равенства и стремления ко все большей свободе. Сейчас приходит время народовластия справедливости — это обратная сторона указанных процессов, когда власть народа проявляется в способности через сильное государство защитить человека и общество от угроз, как раз вызываемых гипероксией свободы (на самом деле ее иллюзией) и излишнего равенства. В доцифровую эпоху концепция прав человека, как известно, строилась на том, что «мои права и свободы заканчиваются там, где начинаются права и свободы другого человека». Однако в новой коммуникационной реальности эта формула просто перестала работать. Это закончилось, границы личности исчезли, анонимность — иллюзия, личной жизни, личного пространства, личной территории больше нет и никогда не будет.

В новых условиях задача современного информационного (цифрового) государства — нащупать модель защиты коллективных неиндивидуальных прав, чтобы при этом не разрушить общество. Теперь для реализации прав человека именно государство должно беречь и выступать гарантом этой границы, иначе естественные права человека исчезают. Человек зашёл в эру неестественно тесных коммуникаций. Сначала государство бросалось во все тяжкие ради охраны (спасения) прав каких-то категорий лиц (детей, инвалидов, на Западе — всевозможных меньшинств). Очень скоро стало понятно, что это путь в тупик, и концепт прав человека так попросту не работает.

В новых коммуникационных условиях на смену индивидуальным естественным правам человека приходят неиндивидуальные естественные права сообществ людей. Подчеркнём, что указанное никак не рифмуется ни с классической западной демократией, ни с так называемым «особым путем».

Цивилизационная модель информационного (цифрового) государства — это просто принципиально иная концепция, новое будущее, в которое, если не найдутся неолуддиты, придётся окунуться и постсоциалистическим, и посткапиталистическим (инфокапиталистическим) государствам. Указанное тем более верно, что теперь на примере КНР мы уже видим, что социализм, как провидчески и писал академик В.С. Нерсисянц, — это один из последовательных этапов развития человечества, а не ошибка истории.

У Российской Государственности нет и не может быть никакого особого пути, никакой своей суверенной, цивилизационной или какой-то ещё демократии. Это бы просто была бы не совсем демократия, или совсем не демократия. На самом деле, на наших глазах начинается трансформация, перерождение поколений социальных порядков, возникают контуры его новой формы, призванной эволюционно сменить демократию, и задача отечественной философии «подхватить покачнувшееся знамя», дать миру новую парадигму — российский универсальный цивилизационный проект.

При этом он масштабируем и подходит и для постсоциалистических, и для посткапиталистических государств. Особенно для государств, которые в рамках европейской цивилизационной модели не укладывались в прокрустово ложе антисоциальной (или недостаточно социальной) монополистической рыночной экономики (Южная Европа, Восточная Европа, Скандинавия, нестоличные регионы в Старой Европе и Великобритании, Японии и Южной Кореи и др.).

Сегодня мир в состоянии растянувшегося на барханах каравана. Никакого равенства государств уже давно не существует за пределами учебников по международному публичному праву. Во главе цифрового мира три государства, в силу особенностей своего технологического развития первыми создавшие национальные цифровые экосистемы, что обеспечивает им цифровой суверенитет (США, КНР и Российская Федерация), далее — другие индустриально развитые страны, и только потом — все остальные.

Ведь несложно вообразить разрушительность для национальной государственности конкретного государства, скажем, последствий такого трюка. Пофантазируем, если бы завтра крупнейшие поисковые системы трех суверенных цифровых государств, сговорившись, убрали из контролируемого ими цифрового информационного пространства все тексты, допустим, на венгерском языке и само упоминание о национальном государстве, для которого указанный язык выступает официальным, что бы случилось с этой государственностью?

Оставим тут в стороне вопрос о геополярности мира — эта система координат стремительно уходит в прошлое.

Три государства-лидера цифрового мира при всех идеологических, геостратегических, финансово-экономических, культурных и

иных противоречиях, тем не менее, в части глобальной коммуникационной повестки реагируют на информационные вызовы нового цифрового мира, например, на угрозы инфодемии или неконтролируемого распространения технологий, одинаково. В этих государствах принципиально разный опыт конституционализма и государственного строительства, разное понимание глубины истории, разные нравственные и правовые стандарты политической жизни, даже термин «государство-цивилизация» понимается кардинально по-разному, но механизмы самозащиты общества (защиты Государством своего общества, его образа жизни и области социального роуминга) одни и те же на уровне глубинных государственных «инстинктов».

«Богоодобренный» политический режим может быть самым различным, и демократия может называться по-разному, власть народа может быть не только «настоящей» и «ненастоящей». Демократия больше не работает в качестве инструмента шельмования, выявления «праведных» (своих) и «не праведных» (не своих, не западных, а значит автоматически помечаемых знаком зла) ее адептов. Это противопоставление уже не удастся в западной концепции представить как противление глобального «Добра» и «Зла», библейских масштабов «битву Дяди Сэма с Сатаной и красными [Советским Союзом]». Как мы уже показали выше, «судьи» чистоты демократии тут себя полностью и безоговорочно дискредитировали.

Демократия — это уже не просто власть народа. Народовластие сегодня — это обязанность государства обеспечить реализацию прав членов своего общества (членов сообществ его, это общество, составляющих). Это новое, цифровое поколение демократии как формы политического режима. Нам больше нравится, по душе, заменять термин «демократия» русским словом «народовластие», но терминология тут не принципиальна.

Государство в новых условиях только начинающегося коммуникационного сдвига, разворачивающегося цифрового уклада, вынужденно выступать гарантом прав общества (сообществ), иначе государствообразующие институты начинают рушиться.

Теперь мы по ту, внутреннюю сторону зеркала, смотрим на права человека из глубины амальгамы. И оказалось, что лидеры цифрового мира, три государства, очень различающихся по своим подходам к стандартам мер и весов классических прав человека,

на самом деле вынуждены (их вынуждает продолжающаяся волна социальных изменений, вызванных разворачивающимся новым цифровым укладом) проводить похожую коммуникационную политику. Для иллюстрации достаточно обратиться к перечню указов, в первые же дни второй каденции подписанных Президентом США Д. Трампом.

Новое поколение демократии — это идеальная асимметрия народовластия. Именно в силу указанных особенностей она носит универсальный характер как цивилизационный проект, — она распространяется, масштабируется и на мир в целом.

Классическая демократия была как идея математически симметрична, и в этом многим виделся божественный намёк на её истинность. Но и асимметрия может быть идеальной.

Это новая идея и для международного публичного права — признание идеальной асимметрии принципов международного права в области обеспечения прав народов на собственную государственность как основы выживаемости человечества.

Если раньше международное право лишь презюмировало равенство государств и недопустимость угрозы мира, тут же стыдливо прикрывая свою немощь «цивилизованными правилами войны» (международное гуманитарное право, которое просто фактом неизбежности своего существования подрывало саму идею международного права как права поддержания мира). И мы помним, что все равно степень противоправности тех или иных деяний в нем определяло государство, выигравшее в военном конфликте.

То в цифровую эпоху мы, люди как вид, уверенно выживем только при признании всеми государствами, но, в первую голову, именно тремя суверенными цифровыми государствами (Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика, Российская Федерация), идеального неравенства как необходимости для сильных государств на праве, как раньше писали, «бремени главнейших цивилизованных народов» брать на себя ответственность противостояния глобальным вызовам человечества.

Например, если мы узнаем, что к Земле приближается огромный опасный для нашего выживания астероид, кто возглавит спасение? Организация Объединённых Наций, НАТО, «Спортлото»?

Мы все всё увидели на примере не гигантского астероида, а «всего лишь» пандемии. Человечество в его борьбе за выживание повели за собой, обеспечили глобальное принятие правильных

решений, возглавили, — не парад идеальных дистиллированных западных демократий, а КНР и Россия, а также вынуждено при-мкнувшие к ним США. Они закрыли границы, сегментировали население, приостановили ординарные стандарты прав человека, профинансировали разработку и обеспечили доступность распространения вакцин, и в итоге остановили болезнь. А Старая Европа пропустила всю спасательную операцию за политическими спорами, не противоречит ли такой подход её вековым традициям демократии и выстраданным ценностям.

Мы неоднократно наглядно убеждались — у США есть широкие возможности игнорировать интересы Старой Европы, но отнюдь не такая свобода рук, когда речь идет о национальных интересах Китая и России. Это и есть основа нового идеального ассиметричного международного публичного права и миропорядка.

Специально подчеркнем, что такой подход полностью рифмуется с преисполненной подлинно восточной философской мудрости концепцией Главы КНР Си Цзиньпина о построении сообщества с единой судьбой для человечества.

Вот и ответ на вопрос о безусловном цивилизационном, всемирно-историческом праве России (и кстати, Китайской Народной Республики) на суверенную, свою собственную Государственность, отличающуюся от любых (в том числе западных) образцов, штандартов и моделей, выкроенную и исторически выстраданную народом по своим собственным канонам национального конституционализма.

Долгие годы после развала СССР и крушения двухполярного мироустройства в рамках парадигмы западного цивилизационного проекта продвигалась идея о существовании только западного прочтения правильного государственного устройства, только западной модели обретения и, что немаловажно, подтверждения права на свою Государственность. Это право надо было акцептировать, подтверждать у «лидеров свободного мира», получать от них ярлык на государственность. В одночасье можно было его утерять, «потерять доверие», иногда с мандатом, а иногда и без мандата ООН, но с разрушительными последствиями (Югославия, Ливия, Ирак). Потому что в этой картине мироустройства могла быть только западная демократия и эрзацы.

Попытки лавировать и выстраивать многовекторную политику при видимости сохранения государственности стремительно

показывают свою неэффективность, не помогают решить вставшие перед современными государствами вызовы. Например, мы видим как проект Европейского Союза стремительно цивилизационно проигрывает и срывается в идеологическую стагнацию именно потому, что национальные идентичности подорвать удалось, а создать новую общность, да и «выпестовать» просто нового европейского человека, — не получается.

На самом деле мир изменился, в цифровую эпоху той классической западной демократии, о которой говорилось выше, уже просто не может быть. Цифровые государства будущего будут другими, — и эту новую реальность вынужден принимать и Восток, и Запад. В цифровую эпоху вопрос для государств встал очень однозначно: или трансформируйся или умри, — утратив суверенитет, а с ним и право на собственную Государственность.

Изменились и критерии отнесения государств к сверхдержавам. Это больше не факт обладания ядерной бомбой, а способность развивать цифровые технологии передового характера. Три точки опоры — это идеальная модель устойчивости, идеальная асимметрия. Образно говоря, новый Совет безопасности составят три цифровые технологические сверхдержавы.

При этом в современном информационном мире многократно вырастает роль этических факторов, нравственных основ, и, в первую очередь, — в сфере реализации конституционных ценностей. В современном обществе всеобщей виртуализации резко возрастает роль традиционных, незыблемых в своей исконной ценности ориентиров — человечности, доверия, честности, гражданской ответственности, равенства и свободы, добра и справедливости.

Игры в псевдодемократию (искусственное поддержание видимости служения утратившим свое истинное назначение процедурам и институтам) разрушают международный мир, угрожают выживаемости человечества. Всякое лицемерие разрушительно, лицемерие великих держав — разрушительно абсолютно.

При этом нельзя не согласиться с академиком А.А. Гусейновым, когда он подчеркивает, что «за гражданственность надо бороться с обеих сторон, и сверху, со стороны институтов, тех, кто отдает команды, и снизу, со стороны самих граждан, тех, кто выполняет команды»³⁶. В слове «народовластие» (все-таки заменим

³⁶ Гусейнов А.А. О подвижниках гражданственности // Духовно-нравственные аспекты формирования гражданственности: Коллективная монография (по материалам Всероссийской научно-

тут «демократию» именно этим термином) приходится делать акцент не на абстрактном любом народе, а только на цивилизованном народе, том народе, который смог, научился быть властью.

Оглавление

I. Главная задача отечественной философии	5
II. Что происходит с западной демократией (западным цивилизационная проектом)?	8
III. Смена коммуникационного уклада запускает процесс трансформации Государства	
IV. Почему не может быть особого пути России и ещё какого-то сорта демократии рядом с западной?	11 22
V. Как смена коммуникационного уклада влияет на регресс западной демократии как цивилизационного проекта?	23
VI. Ключ к новому социальному порядку – в переосмыслении места человека и его прав в меняющемся мироустройстве	33

Научное издание
Тедеев Астамур Анатольевич

**ФИЛОСОФИЯ ГОСУДАРСТВА:
право народа России на Государственность
и собственное правоустройство народовластия
в условиях цифрового миропорядка
(опыт научной футурологии)
Манифест
о государстве в цифровом мире**

Подписано в печать 27.04.2024. Формат 60х90^{1/16}
Печать цифровая. Печ. л. 2,5. Тираж 500 (1-й завод 100) экз. Заказ №
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.